

Цинь Чаншэн кивнула:

— Поняла. Это, наверное, заброшенная маленькая горная деревушка, да?

Подумав, она добавила:

— Та самая, где даже водопровода нет, и единственный электроприбор во всей деревне — лампочка накаливания. Так?

Цзян Чжунсюэ кивнула с неопределённым выражением лица.

Такие деревни, где вся деревня бедствует без водопровода, а единственным электроприбором остаётся лампочка накаливания... Цинь Чаншэн и вправду раньше видела их только по телевизору или в газетах.

Снаружи донёлся аппетитный запах. Цинь Чаншэн шумно втянула нос и сказала:

— Общую картину я уловила. Но даже в самой бедной деревне должны ходить бумажные деньги, верно? Я умираю от голода, хочу есть.

Цзян Чжунсюэ промолчала.

Цинь Чаншэн подняла с кровати свой рюкзак, взвесила его в руке и с улыбкой спросила Цзян Чжунсюэ:

— Мы сейчас живём в единственной комнате единственной гостиницы в этой деревне, да?

Цзян Чжунсюэ кивнула.

Через мгновение она добавила:

— Здесь нет гостиниц. Это обычный крестьянский дом. Цены высокие, а совесть у хозяев чёрная.

Если бы не неизменно серьёзное выражение лица Цзян Чжунсюэ, Цинь Чаншэн наверняка бы рассмеялась.

Но её холодный вид вовремя остановил улыбку, готовую сорваться с губ Цинь Чаншэн. Та подавила смех и с бесстрастным лицом сказала:

— Тогда я выйду и закажу единственное блюдо в единственной столовой этой деревни.

Цзян Чжунсюэ промычала в знак согласия и добавила:

— Мы вышли из того Призрачного леса. Когда я тебя выводила, несколько человек поблизости нас увидели. Они настороже. Со всем будь осторожна.

После этой ночи сладкого сна сердце Цинь Чаншэн вновь наполнилось кипучей энергией. Она кивнула, показывая, что слушает внимательно, и спросила:

— А ты со мной не пойдёшь поесть?

Если не поесть сейчас, выдержит ли её тело?

Цзян Чжунсюэ покачала головой:

— За этой деревней есть горная тропа, ведущая к Обрыву. Я хочу её проверить. Сейчас день, мы здесь открыто. Эта деревня и вправду странная, да и люди здесь настрожены. Но ничего. Ты скажешь, что туристка, заблудилась. У тебя есть деньги, купишь у них что-нибудь — и они тебя просто так не тронут.

Раз уж она так сказала, то, даже если в душе и были сомнения, Цинь Чаншэн должна была последовать совету Цзян Чжунсюэ.

Она кивнула.

Взяла рюкзак и прошла мимо Цзян Чжунсюэ.

Дверной косяк был низким и узким, она почти что коснулась её плечом, проходя мимо.

От Цзян Чжунсюэ исходил лёгкий, удивительный аромат, непохожий ни на один из тех духов, что она когда-либо нюхала в магазинах. Этот запах был очень лёгким, очень уникальным, его невозможно было сравнить ни с одним цветком или пряностью.

Цзян Чжунсюэ по-прежнему с невозмутимым лицом стояла, прислонившись к косяку, но, приглядевшись, Цинь Чаншэн поняла, что та на самом деле не касалась двери.

Это была лишь поза, вводящая в заблуждение.

Она прошла мимо Цзян Чжунсюэ.

Голос Цзян Чжунсюэ прозвучал тихо:

— И ещё: не приближайся к колодцам.

Цинь Чаншэн застыла.

Она не успела спросить «почему», как Цзян Чжунсюэ обернулась и сказала:

— Прошлой ночью тебе снились сны, и ты всё время говорила: «колодец». Думаю, это был нехороший сон, так что держись от них подальше. Не знаю, помнишь ли ты, что тебе снилось, но предостеречь тебя лишним не будет.

Цинь Чаншэн внутренне вздохнула с облегчением. Она-то думала, что Цзян Чжунсюэ видела тот же сон или обладает каким-то даром предвидения, а оказалось, всё из-за её ночных бормотаний.

Цинь Чаншэн выдохнула, и в душе у неё возникло лёгкое чувство облегчения:

— Хорошо, ты тоже будь поосторожнее.

Цинь Чаншэн и Цзян Чжунсюэ вышли из дома одна за другой.

За этой обставленной в старомодном стиле комнатой располагался главный зал. Поскольку дверь была открыта, в зале было гораздо светлее, чем в комнате. Пол всё ещё был неровным, порог высоким. Несколько женщин сидели вокруг стола, на котором стояла чёрная железная миска, наполовину полная семечек.

На земле валялась горка шелухи.

На этих женщинах была одежда тёмных, мутных цветов, с заплатками и потрёпанными краями. Цинь Чаншэн прошла мимо них непринуждённо, а сзади Цзян Чжунсюэ с чёрным зонтом молча переступила через порог.

Увидев, как Цзян Чжунсюэ проходит мимо, глаза женщин дружно заблестели. Одни держали в руках семечки, другие во рту — по две-три шелухи, но все разом прекратили свои занятия, сгрудились и зашептались со смешком:

— Красивая девчонка-а!

Цинь Чаншэн в общих чертах понимала сычуаньский диалект. Женщины, ухмыляясь, проводили взглядом вышедшую за дверь Цзян Чжунсюэ, а затем поманили Цинь Чаншэн:

— Девушка! Иди, посиди с нами!

Цинь Чаншэн с покорным выражением лица подошла и села.

Снаружи падали редкие тени от бамбука, виднелась сложенная из земли невысокая стена. Главная среди женщин, дородная, с круглым смуглым лицом и громким голосом, спросила:

— Девушка, вы туристы, что ли?

Цинь Чаншэн кивнула и села рядом. Одна из женщин подвинулась, улыбаясь:

— Детки городские, любят везде походить. На, поешь семечек, сами на огороде вырастили!

Цинь Чаншэн не стала церемониться, закатала рукава и взяла пригоршню. Та дородная смуглянка, наблюдая, как спина Цзян Чжунсюэ скрывается за дверью, понизив голос, спросила у Цинь Чаншэн:

— Вы вместе? А она куда пошла-то?

Помолчав мгновение, женщина с любопытством на лице добавила:

— Эта девушка с самого утра, как приехала, почти не разговаривает, лицо всё нахмуренное, видать, настроение не очень. Только вернулась — и опять ушла. Места тут незнакомые, куда это она пошла?

Цинь Чаншэн взглянула в сторону, куда ушла Цзян Чжунсюэ, и сказала:

— Ничего страшного, мы вместе. У моей подруги сердечные дела не заладились, она приехала сюда развеяться. Целый день на улицу тянет — это же нормально.

Она выглянула наружу и спросила:

— Человеку ведь нужно новые пейзажи посмотреть. А тут где-нибудь поесть можно?

Женщина с круглым смуглым лицом тут же отозвалась:

— Про магазинчик спрашиваешь? В нашей деревне магазинчиков нет, если хочешь что-то купить, иди два часа до соседнего городка. Но скоро обед, можешь просто с нами поесть!

Выражение её лица было очень радушным. Цинь Чаншэн слегка попыталась отказаться, но дородная женщина тут же, щёлкая семечками, бойко сказала:

— Чего бояться-то, что я тебя обдеру, что ли? Меньше говори, ешь, что мы едим! Овощи свои, с огорода, куры свои! Десять юаней с человека! Не бойся, тётушка Чжан я не чёрствая! Не стану тебя облапошивать!

Отказываться дальше было бы невежливо. Сделка была быстро заключена. Цинь Чаншэн, глядя на проходившую с кудахтаньем курицу, не могла не удовлетворённо кивнуть, а затем спросила у представившейся тётушкой Чжан женщины:

— А как ваша деревня называется?

Тётушка Чжан щёлкала семечки, а несколько женщин рядом сидели и ухмылялись. Одна из них, хихикая, спросила:

— Вы, городские девчонки! Путешествуете, а даже места не знаете, куда идёте! Если потеряетесь, родные и не узнают, куда искать!

Слова её были наполовину зондированием, наполовину шуткой. Цинь Чаншэн тоже улыбнулась в ответ:

— Ничего страшного. Мы с этой подругой и на юге, и на севере бывали, народ бывалый. Сначала хотели на гору Цзи съездить, но с пути сбились, впопыхах и оказались тут.

Та женщина непрерывно кивала, казалось, слушала очень внимательно. Тётушка Чжан, с её громким голосом, говорила бойко:

— Наша деревня так и называется — Деревня у подножия горы, официального названия нет.

Услышав это название, первой реакцией Цинь Чаншэн было посмеяться, а затем она спросила:

— Раз вы Деревня у подножия горы, то какой ближайший город от вашей деревни?

Тётушка Чжан подумала и сказала:

— Смотря какой город считать. Если поближе, так это городок Цзишань, но туда нужно делать крюк, пешком идти, пожалуй, больше суток. А если по расстоянию ближе, так это городок Лошань. Отсюда идти часа три, выйдешь на серпантин, там внизу остановка есть. Мы обычно, если в город нужно, в восемь утра выходим, немного подождёшь, если повезёт, ещё на один рейсовый автобус успеешь. Если дождь пойдёт, машины не ходят, тогда только пешком в городок идти.

<http://bllate.org/book/16269/1464162>